ВИДЯЕВА А.В.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА ЖУРНАЛИСТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье обращается внимание на то, что журналисты используют архивные источники на страницах периодической печати. Особенность этого вида источника в его многоплановости. В статье автор указывает, что в периодике Республики Мордовия превалируют очерки, которые рассказывают о жизни и творчестве репрессированных ученых, писателей, поэтов, журналистов и др.

Ключевые слова: архивные документы, воспоминания, «Известия Мордовии», медийный текст, мемуары, очерк, «Политические вести», «Советская Мордовия»

VIDYAEVA A.V.

SOURCE BASE FOR JOURNALISTIC STUDIES OF PERSONALITY CULT

Abstract. The paper considers the usage of archives by journalists in periodical press. Thus diversity is the peculiar feature of this kind of information source. The author proves the essays about the life and work of former political prisoners (scientists, writers, poets, journalists) to prevail the periodical press of Mordovia Republic.

Keywords: archival documents, memoirs, «Izvestia Mordovii», the media text, memoir, essay, «Politicheskie vesti», «Sovietskaya Mordovia»

Журналисты довольно часто используют архивные источники на страницах периодической печати. Особенность этого вида источника в его многоплановости. На страницах периодики встречаются публикации самых разных жанров: от информационного (отчеты, репортажи, интервью, беседы) и аналитического (статьи, речи, доклады, выступления, обозрения) до художественно-публицистического (очерки, стихотворения). В периодической печати Мордовии превалируют очерки, которые рассказывают о жизни и творчестве репрессированных ученых, писателей, поэтов, журналистов и др.

С конца 1980-х гг. начался пересмотр ряда прежних исторических установок. Этот процесс зародился в центральных научных учреждениях. Мордовию он затронул в 1990-е годы. В нашем многонациональном аграрном крае социально-политические события явились спонтанным, часто стихийным, выражением воли населяющих его народов и основных социальных категорий населения, боровшихся за повышение своего социального и национального статуса. В то же время проблемы репрессий подверглись кардинальному пересмотру. В освещении данной темы активное участие приняли журналисты В.В. Епишин,

А.Н. Поршаков. Была разработана методика получения точной статистической базы по территории Мордовии конца XIX - начала XX в., успешно апробированная в ряде изданий.

Рассмотрим очерк доктора филологических наук Р. Бузаковой, опубликованный в газете «Известия Мордовия» (ноябрь 2001 г.). В медиатексте под названием «Верь, Оля, я ни в чем не виноват» автор подробно описывает судьбу Т.П. Миронова. Тихон Петрович – известный мордовский ученый, который принадлежит к плеяде лингвистов 1930-х гг., разрабатывающих нормы мордовских литературных языков, создававших лингвистическую и географическую терминологию. Р. Бузакова пишет: «К сожалению, Т.П. Миронов, как и ряд других видных ученых Мордовии, стал жертвой репрессий. Нельзя спокойно читать анкету арестованного, в которую внесены все данные о Тихоне Петровиче: место рождения, место работы – заведующий сектором эрзянского языка, социальное происхождение – из крестьян-бедняков, образование-высшее, б/п (беспартийный), национальность мордвин-эрзя, гражданин СССР, снят с воинского учета по болезни… В 17 пункте – состав семьи: жена Ольга Панфиловна Миронова, д/х (домохозяйка), дети: Лидия – 16 лет, Евгения – 12, Роза – 11 лет, Надежда – 10, Владимир – 7 лет, Клара – 6 лет. Шестеро детей… Под этой анкетой красивая подпись – Т. Миронов» [1, с. 3].

Архивные документы повествуют о многом. О факте его ареста рассказано так: «Арестован 9 мая 1937 года НКВД МАССР. Обвиняется в том, что был членом антисоветской националистической фашистской организации. Содержится в тюрьме г. Саранска. В конце – постановление: Миронов Тихон Петрович обвиняется по статье УК РСФСР (номер статьи). Под ним дата – 23 мая 1938 года. В этот же день, вернее, в ночь на 24 мая приговор приводится в исполнение: Миронов расстрелян как враг народа. А незадолго до этого он пишет жене: «Кемть, Оля, мон мейсэяк а чуман, ванстыть эйкакштнень» (Верь, Оля, я ни в чем не виноват, береги детей)» [1, с. 3].

Обратимся к материалу, который был опубликован ранее в декабрьском номере газеты «Советская Мордовия». Автором очерка «Судьба большевика» является Н. Цветкова – бывший заместитель председателя бюро Мордовской секции историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Из материала следует, что автору удалось познакомиться с документами архива, которые были использованы при написании материала. Журналист отмечает, что Тихон Петрович прожил 37 лет, но и за это короткое время написал много статей, которые обогатили мордовскую лингвистическую мысль и литературоведческую науку. «Он погас, как пылающий костер, в расцвете творческих сил и таланта. Но мы помним о нем!» – так заканчивает очерк Н. Цветкова [7, с. 5].

Рассмотрим другой материал, в котором использованы архивные сведения. Журналист В. Епишин в газете «Политические вести» публикует материал под названием «Мартиролог 1937-го». Валерий Епишин дает читателю следующую информацию: «Пеллинен Павел Павлович, 1897 года рождения, финн, член большевистской партии с 1918 года. В годы гражданской войны был комиссаром пехотного полка, затем находился на хозяйственной партийной работе в Петрограде и Ульяновске. С ноября 1929 года по сентябрь 1932 года – первый секретарь Мордовского обкома ВКП (б). От Мордовской областной партийной организации избирался делегатом XVI съезда партии. В 1937 г. П.П. Пеллинен был ложно обвинен в связях с террористами Мордовского правотроцкистского националистического блока, якобы готовящих убийство Сталина и Ворошилова на VIII Чрезвычайном съезде Советов СССР в ноябре 1936 года».

Архивные документы рассказывают о многом. О факте приговора М.Д. Прусакова рассказано так: «Признавая М.Д. Прусакова виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1 «а», 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР, выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР приговорила Прусакова к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего личного его имущества. Приговор подлежит немедленному исполнению» [5, с. 4].

Фондовая публикация позволяет в полной мере проследить весь ход процесса расследования и судебного (или внесудебного) рассмотрения дела, а также пересмотра его впоследствии и реабилитации. Здесь надо признать большую роль архивных источников, позволивших восстановить добрые имена незаслуженно обвиненных, ставших доказательством невинности многих людей». Приказы Министерств культуры, внутренних дел РФ, ФСБ от 25 июля 2006 года (№375/584/352) ограничивают допуск к материалам архивно-следственных дел исследователей без согласия на то родственников репрессированных. Это намного усложняет работу исследователей по восстановлению честных имен репрессированных.

Как известно, к документам личного происхождения в источниковедении относятся: личная (частная) переписка, дневники и различные по характеру воспоминания, нередко объединяемые одним общим термином «мемуаристика». Как отмечает С.А. Ежова в своей диссертации «Мемуары воспитанников Казанского университета как исторический источник XIX в.»), споры о соотношении мемуаров с дневниками ведутся и по сей день [4].

Дневники и воспоминания мы будем называть общим термином мемуары. Мемуары, безусловно, служат одним из исторических источников. Они позволяют полнее представить

дух времени. В то же время надо признать, что это специфический вид исторического источника, отличающийся субъективностью. Они, освещая то или иное событие, несут на себе отпечаток личности автора, отражают его мнение к описываемым событиям. В одних случаях помогают уточнить решение суда (например, воспоминания И.С. Сибиряка), в других воспоминаниях возможно допущение неточностей (воспоминания П.И. Левчаева).

Мемуары как один из поздних исторических источников появились в эпоху петровских времен. Одним из первых отечественных исследований, положивших начало специальному изучению воспоминаний, дневников и частных писем, считается изданная в 1872 году «Русская история» К.Н. Бестужева-Рюмина. Вопрос достоверности источника для исследования автор анализировал в прямой зависимости от автора (можно ли ему доверять и в какой степени). Он отмечал особую важность установления личности автора, поскольку в записках «лицо автора выступает на первый план со своими чувствами и нерасположениями, со своими целями и видами…» [2, с. 51].

В Татарстане мемуары как источник активно изучал Е. Бушканец. Известный литературовед поставил перед собой задачу – на материалах воспоминаний о русских писателях XIX-XX в. рассмотреть наиболее важные аспекты мемуарной литературы. Были обобщены достижения современной науки в области использования мемуаров, применимых не только к литературоведческим, но и к историческим исследованиям. А другой известный ученый А. Тартаковский изучает русскую мемуаристику как феномен культуры, как неотъемлемый компонент духовной жизни общества и яркое отражение ведущих тенденций национального и исторического самосознания [6].

Ученый М. Черноморский выделил 4 основные группы мемуаров: 1) собственные мемуары, то есть воспоминания о жизненном пути автора; 2) воспоминания, которые целиком посвящены описанию только тех событий, в которых пришлось участвовать автору; 3) дневники; 4) литературные записи.

В газете «Советская Мордовия» в номере от 14 мая 1989 г. опубликовано воспоминание Ф. Шукшина. В лиде редакция сообщает читателю: «В опубликованной 12 марта в «Советской Мордовии» статье о массовых сталинских репрессиях в Мордовии «Письма скорби и надежды» собственный корреспондент газеты В. Епишин рассказал о том, как он встретил в Комиссии по реабилитации и увековечению памяти жертв сталинизма убеленного сединой пожилого человека, на которого нельзя было смотреть без боли и сострадания. Его руки дрожали, срывался от волнения голос, по окаменевшему лицу катились слезы. Это был Федор Ильич Шукшин, учитель-пенсионер, участник Великой Отечественной войны. 52 года он ничего не знал о своем отце Илье Андреевиче Шукшине,

бывшем экономисте Торбеевского райисполкома, ложно обвиненном в национализме, антисоветской деятельности и арестованном в 1937 году. В настоящее время И.А. Шукшин полностью реабилитирован».

Редакция попросила Ф. Шукшина написать правду об отце, «о том, как он сам многие годы носил позорное клеймо «сына врага народа» и какие из-за этого терпел лишения и унижения». Ветеран откликнулся на эту просьбу. Прислал и сохранившуюся единственную фотографию погибшего отца. Письмо получилось большое, взволнованное. Редакция отмечает, что в письме есть «небольшие шероховатости, заметны сбивчивости и повторы, редакция, понимая переживания автора, решила опубликовать его почти без сокращений. Пусть это письмо будет еще одним документом непосредственного свидетеля той страшной трагедии, которую пережил в памятном 37-м наш великий народ».

Ф. Шушин пишет о том, что его отец Илья Андреевич по ложному доносу в 1937 году был арестован органами НКВД Торбеевского района. «Его ложно обвинили в антисоветской пропаганде, в связи с диверсионными группами, якобы готовящими покушение на Сталина, а также в восхвалении линии Бухарина, Зиновьева, Каменева», – подробно описывает ситуацию сын репрессированного. Также Федор Ильич эмоционально дает оценку происходящим тогда событиям: «Какой же это был абсурд! Неужели на местах и выше не понимали, что подобное обвинение – чушь и клевета? Ведь кому тогда не было известно, что «любимый вождь» находился за толстыми каменными стенами и зорко охранялся «рыцарями» из НКВД. Разве можно было простому человеку из деревни подойти к Сталину и совершить покушение? Разумеется, нет. Но, тем не менее, многие люди, как и мой отец, обвинялись тогда в покушении на Сталина и были за это расстреляны» [9, с. 3].

Далее Ф. Шукшин пишет о том, как 12 октября 1937 г. его отца арестовали. Федор Ильич хотел написать письмо И.В. Сталину с вопросом, за что арестовали его отца. Но родственник З.Ф. Дорофеев советовал «меньше разговаривать об аресте отца. А вскоре пришла в село весть, что и самого Захара Дорофеевича арестовали». Федор Ильич пишет: «Друзья и соседи сторонились нас, ведь мы были детьми «врага народа». Даже близкие и родные редко навещали нашу семью. Если что хотели сообщить или посоветовать, заходили поздно вечером, тайком. Кому довелось испытать такое, как нам, небось не скажет «зачем ворошить прошлое» [9, с.3].

Я написал в Комиссию просьбу узнать о судьбе отца. И вот сижу в кабинете сотрудника КГБ В.К. Уваровка. В руках у него изъятое из архива сфабрикованное уголовное дело на отца. Перелистав его, он тихо говорит: «Дорогой Федор Ильич, ваш отец ни в каких лагерях не был и не умер в августе 1943 года, как раньше сообщали вам. Он расстрелян сразу

же после состоявшегося «особого совещания тройки» первого декабря 1937 года в Саранске».

В жанре жизнеописания, с его поучительностью и последовательностью написана немалая часть мемуаров. Мемуары носят в основном публицистический характер. Они содержат материал для изучения социальной психологии личности авторов, отражают черты характера авторов, его мироощущения, особенности восприятия. Воспоминания являются источником и для реконструкции автографии мемуаристов. Более полную и достоверную информацию удалось получить при составлении разных воспоминаний, в которых идет речь об одних и тех же событиях.

На наш взгляд, особенности функционирования мемуаров в периодической печати мало изучены и в дальнейшем ждут своих исследователей. Помимо уже опубликованных источников пока еще возможно привлечение устных свидетельств ветеранов. Записи их рассказов могут послужить богатым материалом для создания крепкой источниковедческой базы для будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бузакова Р. Верь, Оля, я ни в чем не виноват // Известия Мордовии. – 2001. – №7. – 3 с.
2. Бестужев-Рюмин Н. К. Русская история. – СПб.: Типография А. Траншеля, 1872. – В 2 т. Т.1. – 57 с.
3. Бушканец Е. Г. Мемуарный источник. – Казань, 1975. – 20 с.
4. Ежова С. А. Мемуары воспитанников Казанского университета как исторический источник (XIX в.). Автореф. дисс…. канд. истор. наук. – Казань, 1995. – 18 с.
5. Епишин В. Мартиролог 1937-го // Политические вести. – 1989. – №3. – 4 с.
6. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. – М.: Наука, 1991. – 356 с.
7. Цветкова Н. Судьба большевика // Советская Мордовия. – 1989. – № 9. – 5 с.
8. Черноморский М. М. Мемуары как исторический источник. – Москва, 1959.
9. Шукшин Ф. В списках не значится // Советская Мордовия. – 1989. – 14 мая. – 5 с.